

УДК 811.161.1'282
ББК 81.41

Е.Н. Бекасова
Л.М. Устюгова

ЛЕКСЕМЫ
БРЕГЪ / БЕРЕГЪ
В СПИСКАХ «ПОВЕСТИ
ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

На материале 6 наиболее значимых списков Повести временных лет проводится анализ разночтений генетически соотносительных лексем *брег* и *берег* с целью определения основных направлений их использования в списках, различающихся местом и временем своего создания. Исследование показало, что древнерусские книжники сохраняют стандартизированные случаи употребления неполногласных и полногласных лексем, что свидетельствует о равнозначности их литературного статуса и сложившихся традициях создания генетически неоднородного фона летописного текста.

Ключевые слова: *рефлексы праславянских сочетаний, полногласие / неполногласие, Повесть временных лет, список, лексические разночтения.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-2-95-106

Бекасова Елена Николаевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета
E-mail: bekasova@mail.ru
Тел.: +7-922-55-29-329

Устюгова Людмила Михайловна – докт. филол. наук Российской Федерации, доцент, профессор кафедры славянской филологии и мировой литературы Ужгородского национального университета
E-mail: ustyugova_l_m@mail.ru

© **Бекасова Е.Н.,**
Устюгова Л.М., 2017.

Проблема взаимоотношений исконной и церковнославянской стихий, поставленная в своё время ещё М.В. Ломоносовым, по-прежнему остаётся «актуальнейшей в русской филологии» [Щерба, с. 74], а «сочетания типа **tort* или палатализации» – «классическими сюжетами славянской филологии» [Колесов, с. 348]. В настоящее время возвращение к «вечным вопросам» обусловлено необходимостью не только рассмотрения уже казалось бы изученных и несколько покрытых хрестоматийным лаком фактов под новым углом и в новой связи, но и снятия идеологических установок в решении лингвистических проблем. К сожалению, научные проблемы в вопросе о восточнославянском этногенезе на протяжении всей истории его существования в той или иной степени смешивались и нередко подменялись политическими и идеологическими. Внелингвистический «параметр» обострился в конце прошлого века, когда отдельные украинские исследователи одну из основных задач современной лингвистики начинают видеть в изучении «значительного слоя украинских заимствований в русском языке», причём в этот слой включается и полногласие [Царук, с. 131]. В этих условиях особую актуальность приобретают новые сопоставительные исследования восточнославянских языков, а также введение в научный оборот нового материала, поскольку лингвистические гипотезы могут пересматриваться в результате открытия новых фактов или принятия новой трактовки фактов и нового способа их клас-

сификации [Лайонз, с. 51]. Необходимость в новых сопоставительных исследованиях предопределяется также большим разбросом мнений, в том числе и украинских учёных, по вопросу о восточнославянском этногенезе, что свидетельствует о его недостаточной изученности (ср.: [Півторак, 1993, 1995; Німчук, 1995; Карпенко, 1995 а, б] и др.).

Сопоставительное изучение функций соотносительных восточнославянских и южнославянских по происхождению языковых явлений по нескольким спискам одного и того же произведения, летописи в частности, является одним из способов более глубокого проникновения в сущность взаимодействия книжного и разговорного «начал» в процессе становления и развития русского литературного языка, поскольку «лексические или иные речевые варианты, имеющиеся в многочисленных списках русских летописей, представляют собой не простые исправления или искажения более раннего текста, а языковые факты, в которых отразилась многовековая история русского литературного языка» [Филин, с. 18].

При таком изучении создаются достаточно мотивированные предположения для выявления тех изменений в использовании генетически соотносительных явлений, которые могли быть обусловлены, во-первых, отражением в различных списках одного и того же произведения книжно-письменных традиций территориально отдалённых скрипториев Древней Руси, а во-вторых, различной временной принадлежностью этих списков.

Цель данной статьи – сопоставить по шести основным спискам «Повести временных лет» (далее – Пов. вр. л.) совпадающие случаи, а также различия в употреблении генетически соотносительных коррелятов *брегъ* / *берегъ* и определить, в каком именно направлении осуществлялись изменения в использовании интересующих нас лексем в списках, различающихся местом (северо-восток, запад, юго-запад и юг Древней Руси) и временем (XIV–XVII вв.) своего создания.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению лексем *брегъ* и *берегъ*, отметим, что Пов. вр. л., будучи летописным сводом, скомпонована из многих источников. Поэтому необходимым условием языковедческого исследования данного памятника является расчленение текста «на его составные части, чтобы не смешивать разнородные по происхождению и социальному характеру элементы памятника» [Ларин, с. 201 – 202]. Поскольку вопрос о принципах членения «смешанных» текстов и классификации выделяемых в результате этого членения единиц не имеет однозначного решения (см.: [Еремин, с. 54–64; Hüttl-Folter Gerta, 1982; Улукханов, 2003;] и др.) мы в своём исследовании ограничиваемся выделением двух групп текстов: 1) тексты, так или иначе связанные с религиозной тематикой (они определяются как контексты книжно-славянского типа древнерусского литературного языка [Виноградов, с. 87]), и 2) тексты, содержание которых сводится к изложению светских событий, т.е. контексты народно-литературного типа древнерусского литературного языка [Там же, с. 102]. Такое членение отражает

типичную для древнерусской литературы раннего Средневековья зависимость между «предметом повествования» и «ключом повествования», поскольку представление о том, «какими словами должен описывать писатель совершающееся», было одним из компонентов литературного этикета средневекового писателя [Лихачёв, с. 81 – 82].

Для текстов 1-й группы обычным, стандартизованным, является употребление лексем с южнославянскими по происхождению приметами, в то время как лексем с исконными рефлексам в них представляют единичные проникновения, имеющие почти в каждом конкретном случае достаточно явно обнаруживаемую мотивировку. 2-я группа текстов отличается жанрово-стилистической пестротой, поскольку Пов. вр. л. как летописный свод несёт на себе следы коллективного авторства, охватывающего не только значительный временной отрезок (X – начало XII вв.), но и огромные просторы Древней Руси (изложение событий, связанных с Киевом, Новгородом, Тмутороканью и т.д.). Отличительным признаком, позволяющим объединить указанные тексты в пределах одной группы, является взаимодействие в их языке книжно-славянских и народно-разговорных элементов, допускающее, однако, довольно широкий диапазон колебаний.

Как свидетельствуют данные нашего исследования, зависимость выбора определённого по происхождению коррелята от тематических особенностей текста, в котором они представлены, неизменно актуальна для каждой пары отмеченных в Пов. вр. л. генетически соотносительных пар.

Обращаясь непосредственно к рассмотрению лексем *брегъ* и *берегъ*, отметим, что праславянское слово **bergъ* в этимологии XIX в. рассматривалось как заимствование из германских или каких-то других кентумных языков. Большинство современных лингвистов, учитывая широкое распространение данной лексемы во всех группах славянских языков и преобладание в них значения ‘берег’, считают праславянскую лексему **bergъ* родственной германской лексике, а не заимствованной из неё [Этимологический словарь..., с. 189 – 190].

В древнерусском литературном языке представлено две разновидности этой лексемы – исконная *берегъ* и заимствованная из старославянского языка *брегъ*, причём для старославянской лексемы *брѣгъ* в качестве основного выделяется значение ‘крутой склон, откос’ [Slovník jazyka..., вып. 4, с. 145; Старославянский словарь, с. 102], в то время как в словарях древнерусского языка первым значением обеих лексем является значение ‘берег’ [Словарь древнерусского языка, 1988, с. 316 – 317]. Характерной особенностью анализируемой пары лексем является то, что употребления её полногласной разновидности в материалах XI – XIV вв. почти в два раза превышают частотность неполногласного слова (соответственно 135 и 78 [Словарь древнерусского языка, 1988, с. 154, 316]), что было редким явлением в парах соотносительных лексем. Ср.: *брада* 35 – *борода* 17, *брань* 478 – *боронь* 5, *бранити* 60 – *боронити* 23, *брашьно* 427 – *борошьно* 1*, *власть* 918 – *волость* 497, *гладь* 261 – *голодь* 26, *глава*

~2000 – голова 143, градъ ~1000 – городъ 847 и многие другие [Словарь древнерусского языка, 1988–2016].

В тексте Пов. вр. л. выявлено 16 случаев употребления лексем *брегъ* / *берегъ*. Неполногласная лексема *брегъ* во всех анализируемых списках сохраняется без изменений в контекстах книжно-славянского типа языка: *сынове Израилеви... излезоша на брегъ* [Л-986, 63]; *Глѣбу... бывшую повержену на брезѣ* [Л-1015, 96]¹.

Русизм *берегъ* во всех списках Пов. вр. л. представлен в текстах, связанных с изложением событий, имеющих то или иное отношение к Новгороду: *приде и ста под горами на березѣ* [Л-введ., 6] (легенда о посещении апостолом Андреем Руси, Новгорода в частности); *воевода Святополчь издя возлѣ березъ* [Л-1016, 96] (рассказ о битве новгородцев со Святополком). На обилие русизмов в тех частях Пов. вр. л., которые были заимствованы из Новгородского летописного свода, обращал внимание ещё А.А. Шахматов [Шахматов, с. 170 – 182]. Д.С. Лихачёв также отмечал, что отличительной чертой новгородской книжности периода раннего Средневековья была «близость письменного языка к разговорному» [Лихачёв, с. 21]. Древнерусские книжники, видимо, хорошо осознавали существовавшие различия книжно-письменных традиций (и вероятно, культурных койне) Киева и Новгорода и не находили ничего предосудительного в их совмещении в пределах одного произведения. Более того, в процессе последующих переписок текста Пов. вр. л. «новгородские» части летописи отличались известной устойчивостью в плане сохранения имеющихся в них русизмов.

Во всех анализируемых списках Пов. вр. л. русизм *берегъ* сохраняется в устойчивых словосочетаниях-формулах: *иде Володимеръ на болгары... в лодьяхъ а торьки берегомъ приведе на конихъ* [Л-985, 53]. Именно в составе таких устойчивых словосочетаний-формул, связанных с древнерусским воинским бытом, русизмы были обычным явлением и, как правило, сохранялись во всех основных списках памятника: *похорони вои в лодьяхъ* [Л-882, 15]; *но подъякладъ постилавъ и сѣдло в головахъ* [Л-964, 37]; *вземъ полонъ бещисленъ* [Л-971, 45]; *половци послаша предъ собою (в) сторожѣ Алтуну* [Л-1103, 186-187] и др.

Совпадающие случаи использования членов пары соотносительных лексем *брегъ* / *берегъ* в анализируемых списках Пов. вр. л. ограничиваются рассмотренными выше примерами. В приведённой ниже таблице представлены зафиксированные нами разночтения в употреблении гетерогенов *брегъ* и *берегъ*. При составлении этой таблицы мы исходили из данных Лаврентьевского списка как самого раннего из анализируемых, соблюдая следующую последовательность в расположении разночтений: лексемы с неполногласием, затем с полногласием, примеры с другими лексемами. Так как ряд листов в этом списке утерян, то в примерах из статей 907–915 гг. используются данные Радзивиловского списка. В тех случаях, когда чтения Радзивиловского и Академического, а также Хлебниковского и Погодинского списков совпадают, мы ограничиваемся ссылкой только на один список – Радзивиловский

(для Р- и А-списков) и Хлебниковский (для Х- и П-списков). Знак ++, поставленный сверху около слова, указывает на то, что это различие не отмечено в 1-м томе «Полного собрания русских летописей» [ПСРЛ 1]. Место переноса в анализируемых лексемах, зафиксированных в рукописи в позиции перехода со строки на строку, обозначается знаком переноса «-» (*бе-регъ*). Рассмотрим материалы таблицы.

Различия между списками Пов. вр. л. в использовании лексем *брегъ* / *берегъ*

	Лаврентьевский	Р-, А-	Ипатьевский	Х-, П-
1.	Михаиль царь изыде с вои <i>брегомъ</i> и моремъ Л-858, 13;	<i>брегомъ</i>	<i>берегомъ</i>	<i>берегомъ</i>
2.	—	вниде Олегъ <i>на брегъ</i> 14	вылезѣ... <i>на бере-гъ</i> 21	вылезѣ <i>на берегъ</i> 17
3.	Ярославъ... выседъ <i>на брегъ</i> Л-1016, 103;	<i>на берегъ</i> ++	<i>на брег</i>	<i>на берегъ</i>
4.	вои Володимери ввержени быша <i>на брегъ</i> Л-1044, 104;	<i>на берегъ</i> ++ Р-; А- как Л-104;	<i>на брегъ</i>	<i>на берегъ</i>
5.	Вышату же яша съ изверженными <i>на брегъ</i> Л-1043, 104;	<i>на берегъ</i> ++	<i>на брегъ</i>	<i>на берегъ</i>
6.	безбожныхъ руси корабль смяте <i>к берегу</i> Л-866, 14	<i>ко берегу</i> ++	<i>къ бе-регу</i>	<i>къ берегу</i>
7.	—	—	повелѣ Олегъ изъволочити корабля <i>на бе-регъ</i> И-907, 21	извлѣщи <i>на брегъ</i> 17
8.	—	ополчать же тя и <i>пре березѣ</i> и Оренты 20	<i>при березѣ</i>	<i>при березѣ</i>
9.	Володимеръ рекъ... отрѣжьте его <i>от бе-рега</i> Л-988, 80	<i>от берега</i> ++	<i>от берега</i>	—
10.	отринуша лодьѣ <i>от берега</i> Л-1016, 103	<i>от берега</i> ++	<i>от бе-рега</i>	<i>от берега</i>
11.	половину ихъ иде к погребу Л-1068, 114	к погребу...	к погребу	<i>по берегу</i>
12.	половци и <i>побѣгоша</i> Л-1096, 153	устремишась <i>на берегъ</i> Р-; А- как И-	...устремишась <i>на брѣгъ</i>	устремишась <i>на брѣгъ</i>

Как показывает таблица, разночтения в употреблении лексем *брегъ* / *берегъ* отмечены прежде всего в текстах, заимствованных из Хроники Георгия Амартола и его Продолжателя (статьи 858, 866, 912 гг.) [Ис-трин, 1920], а также из русского Компилятивного Хронографа (статья 907 г.). Это связано с тем, что в списках Л-группы отчётливо выражена тенденция к сохранению верности источнику, из которого заимствованы указанные тексты, в плане преимущественного использования лексем с неполногласными корнями.

В списках же И-группы, для которых характерно более чёткое разграничение текстов конфессионального содержания и текстов, посвящённых изложению «мирских» событий, данные статьи в плане использования лексем с полногласными / неполногласными корнями не имеют принципиальных отличий от текстов оригинального происхождения, повествующих о подобных событиях. Ср.: *вратися царь* [Л-866, 14] – *воротися* [И-, 15]; *всю страну Никомидийскую поплѣнвише* [Л-941, 19] – *пополониша* [И-, 31]; *имѣнья обою страну немало взяша* [Л-941, 19] – *сторону* [И-, 32] и др.

Наибольшее количество разночтений в употреблении лексем *брегъ* / *берегъ* зафиксировано в составе предложно-падежных конструкций *на брегъ* и *отъ берега*. Вполне вероятно, что указанные конструкции первоначально входили в состав устойчивых словосочетаний-штампов (словосочетаний-клише), построенных по модели 'глагол + предлог + существительное', а впоследствии обособились и стали функционировать самостоятельно ввиду того, что позицию 1-го компонента в таких словосочетаниях могли занимать разные глаголы. Ср.: *излѣзоша на брегъ* [Л-986, 63]; *высѣдѣ на брегъ* [Л-1016, 96]; *ввержени быша на брегъ* [Л-1043, 103]; и т.д. – и с другой стороны: *отрѣваите... от берега* [Л-988, 80]; *отринуша лодьѣ от берега* [Л-1016, 96]; *стояху... младши же от берега* [Л-988, 80]. Подобные примеры дают основание предположить, что подвижность и неустойчивость 1-го компонента анализируемых словосочетаний и стабильность 2-го компонента способствовали обособлению последнего в качестве самостоятельной предложно-падежной конструкции (различные мнения относительно этих конструкций см. [Кандаурова, 1970, с. 18]). Выделение предложно-падежных конструкций *на брегъ* и *отъ берега* применительно к тексту Пов. вр. л. представляется вполне правомерным, так как они отличаются известной устойчивостью в плане соотносённости неполногласной лексемы *брегъ* с предлогом *на*, а исконного оппозита *берегъ* – с предлогом *отъ*. При этом, однако, необходимо обратить внимание на то, что в Р-списке даётся совершенно противоположное распределение членов рассматриваемой пары соотносительных лексем: *на берегъ*, но *отъ берега* (см. 3, 4, 5, 9, 10 и 12 примеры таблицы). А-список в целом совпадает с Р-списком при использовании анализируемых конструкций, за исключением двух разночтений, сближающих его с Л-списком (см. 4 и 10 примеры таблицы).

Сейчас, конечно, трудно определить причины, обусловившие различия между Л- и И-списками, с одной стороны, Р- и А-списками – с другой, в распределении членов пары соотносительных лексем *брегъ*

/ *берегъ* в составе указанных предложно-падежных конструкций. Да это и не столь существенно. Гораздо более важным представляется тот факт, что книжники различных скрипториев Древней Руси в течение довольно длительного времени отчётливо осознавали соотносённость южнославянского по происхождению *брегъ* и исконного *берегъ* с определёнными типами предложно-падежных конструкций. А выявленные по спискам Пов. вр. л. различия свидетельствуют о том, что лексемы *брегъ* и *берегъ*, хотя и соотносились с различными повествовательными традициями, в период XIV–XV вв. ещё не были резко противопоставлены как книжный и разговорный элементы [Устюгова; Бекасова, Устюгова, 2013].

Наблюдения над использованием членов пары соотносительных лексем *брегъ* / *берегъ* в шести основных списках Пов. вр. л. показали, что для книжников XIV – начала XVII вв., переписывающих этот высокоавторитетный памятник древнерусской письменности, отражённое в нём словоупотребление рассматриваемых лексем не оказалось противоречащим их представлениям о требованиях нормы литературного языка. Во всех списках сохранены наиболее стандартизованные случаи употребления полногласной лексемы *берегъ*, который позднейшими переписчиками воспринимался как вполне приемлемый для книжного повествования элемент. Только в списках XVI – начала XVII вв., Хлебниковском и Погодинском, отмечена тенденция к преимущественному использованию неполногласной лексемы *брегъ*. Но эта тенденция не имела характера последовательно проводимого устранения исконной лексемы *берегъ*, которая в данных списках сохраняется в текстах новгородского происхождения и в составе устойчивых словосочетаний-формул. Иными словами, во всех списках в той или иной степени сохраняется уже сложившийся генетически неоднородный фон летописного текста [Бекасова, 2010 а,б].

Выявленные между списками XIV – XV вв. разночтения в употреблении лексем *брегъ* / *берегъ* отражают различия в реализации некоторых повествовательных традиций (передача текстов, заимствованных из книжных источников; использование отдельных предложно-падежных конструкций) и не могут быть квалифицированы как проявление «запретительных тенденций» на использование исконной лексемы *берегъ*.

Примечание

¹ При цитировании список, из которого взят пример, обозначается начальной буквой названия, далее идёт указание года летописной статьи в переводе на современное летоисчисление и страница фототипического издания рукописи (для Лаврентьевского, Ипатьевского и Радзивиловского списков – см. **Источники**) или листа самой рукописи (для Академического, Хлебниковского и Погодинского списков – см. **Источники**). Орфография цитируемых примеров по техническим причинам максимально приближена к современной. Дополнительный знак вводится только для буквы ѣ 'ять'

Литература

Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста: монография Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010 а. 208 с.

Бекасова Е.Н. О закономерностях генетической организации летописного и билингвального текстов // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания. Горловка, 2010 б. С. 14–20.

Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. К проблеме соотношения церковнославянизмов и русизмов в тексте «Повести временных лет» // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 26-28 ноября 2013 г. / ред. кол. М.Л. Ремнёва и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 24–27.

Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // *Виноградов В.В.* Избр. тр.: История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 65–151.

Ерёмин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы: 2-е изд., доп. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 326 с.

Истрин В.М. Книги временья и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920.

Кандаурова Т.Н. К вопросу о традиционных словосочетаниях-штампах в древнерусских памятниках XI – XIV вв. // Вопросы языкознания и русского языка: Учён. записки МГПИ им.В.И.Ленина. Т. 353. М., 1970. С. 114–157.

Карпенко Ю. О. Слов'янська єдність та її розпад: спроба реконструкції // Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI-XVIII століть. Вип. 2: Матеріали наукової конференції пам'яті Л.П.Жуковської. К.: Хрещатик, 1995 а. С.42–46.

Карпенко Ю.О. Східнослов'янські ознаки в гідронімії (на прикладі середньополіського гідроніма *Жерев*) // Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI-XVIII століть. Вип. 2: Матеріали наукової конференції пам'яті Л.П.Жуковської. Київ: Хрещатик, 1995 б. С. 269–271.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с. (Язык и время. Вып. 2).

Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / под ред. В.А. Звегинцева: Прогресс, 1978. 540 с.

Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 327 с.

Лихачёв Д.С. Новгород великий. Очерк истории культуры Новгорода XI-XVII вв. М.: Советская Россия, 1959. 102 с.

Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы: 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 372 с.

Німчук В.В. Аспекти дослідження проблеми етноглотогенезу українців // Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI-XVIII століть. Вип. 2: Матеріали наук. конф. пам'яті Л.П.Жуковської. Київ: Хрещатик, 1995. С.69–83.

Півторак Г.П. Українці: звідки ми і наша мова. Київ: Наук. думка, 1993. 199 с.

Півторак Г.П. Хронологічні межі формування української мови як мовної системи // Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI-XVIII століть. Вип. 2: Матеріали наук. конф. пам'яті Л.П.Жуковської. Київ: Хрещатик 1995. С.84–91.

Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т.1. (а – възаконятися). М.: Русский язык, 1988. 528 с.

Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 1–11. М.: Русский язык, Азбуковник, 1988–2016 (издание продолжается).

Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: «Русский язык» 1994. 842 с.

Улуканов И.С. Церковнославянский язык русской редакции: сфера распространения и причина эволюции // Исследования по славянским языкам. № 8. Сеул, 2003. С. 1–26.

Устюгова Л.М. Словообразовательная активность основ с полногласием / неполногласием в русском и украинском языках: монография. Ужгород: Изд-во Ужгородского ун-та, 1997. 171 с.

Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Учен. записки Ленингр. пед. ин-та. Т. 80. Л., 1949. 288 с.

Царук О.В. Українська мова серед інших слов'янських: етнологічні та граматичні параметри. Дніпропетровськ: Наука і освіта, 1998. 324 с.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. XX, 687 с.

Щерба Л.В. От редакции // Русская речь. Новая серия. 1927.1.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1 (А—*besědъlivъ). М.: Наука, 1974. 214 с.

Hüttl-Folter Gerta. Die trat-torot Lexeme in den altrussischen Groniken. Wien: Verlas der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982.

Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vyd.1–50. Praha: Academia, 1958–1999.

Источники

А-список – Академический список. Летопись Нестора с продолжением до 1419 г. Рукопись б. Московской Духовной Академии. Российская государственная библиотека, Отдел рукописей. № 236.

Х-список – Хлебниковский список. Нестерова Российская летопись. Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей. Ф. IV.230.

И-список – Ипатьевский список. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии (фотолитографическим способом). СПб., 1871.

Л-список – Лаврентьевский список. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссии (посредством светопечати). СПб., 1872.

П-список – Погодинский список. Погодинское собрание, № 1401. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей.

ПСРЛ 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып.1. Повесть временных лет. Л.: Изд-во АН СССР, 1926.

ПСРЛ 2 – Полное собрание русских летописей / под ред. А.А. Шахматова. Т. 2. Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Пг., 1908.

Р-список – Радзивилловский список. Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Фототипическое издание. СПб., 1902.

References

- Bekasova E.N. *Geneticheskij fon drevnerusskogo teksta: monografiya*. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2010 a. 208 p. (In Russ.).
- Bekasova E.N. O zakonomernostyah geneticheskoy organizacii letopisnogo i bylinnogo tekstov. *Russkij yazyk i literatura v shkole i vuze: problemy izucheniya i prepodavaniya*. Gorlovka, 2010 b, pp. 14–20 (In Russ.).
- Bekasova E.N., Ustyugova L.M. K probleme sootnosheniya cerkovnoslavyanizmov i rusizmov v tekste «Povesti vremennyh let». *Slavyanskije yazyki i literatury v sinhronii i diahronii: Materiala Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, Filologicheskij fakul'tet, 26-28 noyabrya 2013 g. / Red. kol. M.L. Remnyova i dr. M.: MAKS Press, 2013, pp. 24–27 (In Russ.).*
- Vinogradov V.V. Osnovnye problemy izucheniya obrazovaniya i razvitiya drevnerusskogo literaturnogo yazyka. *Vinogradov V.V. Izbrannye trudy: Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. M.: Nauka, 1978, pp. 65–151 (In Russ.).
- Eryomin I.P. *Lekcii i stat'i po istorii drevnej russkoj literatury*. Izd. 2-e, dop. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1987. 326 p. (In Russ.).
- Istrin V.M. *Knigy vremen'nyya i obraznyya Georgiya mniha. Hronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode. Tekst, issled. i slovar'. T. 1. Tekst*. Petrograd, 1920 (In Russ.).
- Kandaurova T.N. K voprosu o tradicionnyh slovosochetaniyah-shtampah v drevnerusskikh pamyatnikah XI-XIV vv. *Voprosy yazykoznanija i russkogo yazyka. Uch. zap. MGPI im.V.I.Lenina. T. 353*. M., 1970, pp.114–157 (In Russ.).
- Karpenko Yu.O. Vostochnoslavyanskoe edinstvo i eho raspad: popytka rekonstrukcii. *Pamyatniki pis'mennosti vostochnoslavyanskijh yazykov XI-XVIII vekov. Vyp. 2. Materialy nauchnoj konferencii pamyati L.P. Zukovskoj*. Kyiv: Kreshchatik, 1995 a, pp. 42–46. (In Ukrain.).
- Karpenko Yu.O. Vostochnoslavyanskije priznaki v gidronimii (na primere srednepoleskogo gidronima Zherev). *Pamyatniki pis'mennosti vostochnoslavyanskijh yazykov XI-XVIII vekov. Vyp. 2. Materialy nauchnoj konferencii pamyati L.P. Zukovskoj*. Kyiv: Kreshchatik, 1995 b, pp. 269–271. (In Ukrain.).
- Kolesov V.V. «ZHizn' proiskhodit ot slova...». SPb.: «Zlatoust», 1999. 368 p. (Yazyk i vremya. Vyp. 2). (In Russ.).
- Lajonz D. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku*. Pod red. V.A. Zveginceva. M.: Progress, 1978. 540 p. (In Russ.).
- Larin B.A. *Lekcii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X – seredina XVIII v.)*. M.: Vysshaya shkola, 1975. 327 p. (In Russ.).
- Lihachyov D.S. *Novgorod velikij. Oчерk istorii kul'tury Novgoroda XI – XVII vv.* M.: Sovetskaya Rossiya, 1959. 102 p. (In Russ.).
- Lihachyov D.S. *Poehatika drevnerusskoj literatury*. 3-e izd., dop. M.: Nauka, 1979. 372 p. (In Russ.).
- Nimchuk V.V. Aspekty issledovaniya problemy ehtnoglorigeneza ukraincev. *Pamyatniki pis'mennosti vostochnoslavyanskijh yazykov XI-XVIII vekov. Vyp. 2. Materialy nauchnoj konferencii pamyati L.P. Zhukovskoj*. Kyiv: Kreshchatik, 1995, pp. 69–83. (In Ukrain.).
- Poltorak G.P. *Ukraincy: otkuda my i nash yazyk?* Kyiv: Nauchnaya mysl', 1993. 199 p. (In Ukrain.).
- Poltorak G.P. Hronologicheskie rubezhi formirovaniya ukrainskogo yazyka ka yazykovej sistemy. *Pamyatniki pis'mennosti vostochnoslavyanskijh yazykov XI–*

XVIII vekov. Vyp. 2. *Materialy nauchnoj konferencii pamyati L.P. Zukovskoj*. Kyiv: Kreshchatik, 1995. S.84–91. (In Ukrain.).

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.). Gl. red. R.I. Avanesov. T.1. (a – v"zakonyatisya). M.: Russkij yazyk, 1988. 528 p. (In Russ.).

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.). T. 1–11. M.: Russkij yazyk, Azbukovnik, 1988–2016 (izdanie prodolzhaetsya). (In Russ.).

Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X – XI vekov): Okolo 10 000 slov. Pod redakcij R. M. Cejtlin, R. Večerki i E.H. Blagovoj. M.: «Russkij yazyk» 1994. 842 p. (In Russ.).

Uluhanov I.S. Cerkovnoslavjanskij yazyk russkoj redakcii: sfera rasprostraneniya i pricina ehvolyucii. *Issledovaniya po slavjanskim yazykam*. № 8. Seul, 2003, pp. 1–26. (In Russ.).

Ustyugova L.M. *Slovoobrazovatel'naya aktivnost' osnov s polnoglasiem – nepolnoglasiem v russkom i ukrainskom yazykah*. Monografiya. Uzhgorod: Izd-vo Uzhgorodskogo un-ta, 1997. 171 p. (In Russ.).

Filin F.P. Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekievskoj ehpoi (po materialam letopisej). / *Uchen. zap. Leningr. ped. in-ta*. T. 80. L., 1949. 288 p. (In Russ.).

Caruk O.V. *Ukrains'ka mova sered inshih slov'yans'kih: etnologichni ta gramatichni parametri*. Dnipropetrovs'k: Nauka i osvita, 1998. 324 s. (In Ukrain.).

Shahmatov A.A. *Razyskaniya o drevnejshih russkih letopisnyh svodah*. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. XX, 687 p. (In Russ.).

Shcherba L.V. Ot redakcii. *Russkaya rech'. Novaya seriya*. 1927.1. (In Russ.).

Ehtimologicheskij slovar' slavjanskih yazykov: Praslavjanskij leksicheskij fond. Pod red. O.N. Trubachyova. Vyp. 1 (A – *besědъlivъ). M.: Nauka, 1974. 214 p. (In Russ.).

Hüttl-Folter Gerta. *Die trat-torot Lexeme in den altrussischen Groniken*. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982.

Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vyd.1–50. Praha: Academia, 1958–1999.

Sources

A-spisok – Akademicheskij spisok. Letopis' Nestora s prodolzheniem do 1419 g. Rukopis' b. Moskovskoj Duhovnoj Akademii. Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka, Otdel rukopisej. № 236 (In Russ).

H-spisok – Hlebnikovskij spisok. Nesterova Rossijskaya letopis'. Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka imeni M.E. Saltykova-SHC Hedrina, Otdel rukopisej. F. IV.230 (In Russ).

I-spisok – Ipat'evskij spisok. Povest' vremennyh let po Ipat'skomu spisku. Izdanie Arheograficheskoi komissii (fotolitograficheskim sposobom). SPb., 1871 (In Russ).

L-spisok – Lavrent'evskij spisok. Povest' vremennyh let po Lavrent'evskomu spisku. Izdanie Arheograficheskoi komissii (posredstvom svetopechati). SPb., 1872 (In Russ).

P-spisok – Pogodinskij spisok. Pogodinskoe sobranie, № 1401. Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M.E. Saltykova-SHC Hedrina, Otdel rukopisej (In Russ).

R-spisok – Radzivilovskij spisok. Radzivilovskaya, ili Kenigsbergskaya letopis'. Fototipicheskoe izdanie. Spb., 1902 (In Russ).

PSRL 1 – Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. vyp.1. Povest' vremennyh let. L.: Izd-vo AN SSSR, 1926 (In Russ).

PSRL 2 – Polnoe sobranie russkih letopisej / Pod red. A.A. Shahmatova. T. 2. Radzivilovskaya, ili Kenigsbergskaya, letopis'. Pg., 1908 (In Russ).

Elena N. Bekasova (Orenburg, Russian Federation)

Ludmila M. Ustyugova (Uzhgorod, Ukraine)

Lexemes of *breg/bereg* in the lists «Stories of temporary years»

On material of 6 most significant Stories of Temporary Years lists the analysis of discrepancies of genetically correlative lexemes *breg* and *bereg* is carried out and protected for the purpose of definition of the main directions of their use in the lists differing with the place (the northeast, the West, the southwest and the South of Ancient Russia) and time (the 14-17th centuries) of the creation.

In all lists dependence of the choice of the correlate defined by origin on thematic features of the text is permanently urgent. At the same time not pleophonic lexeme *брегъ* without changes remains in contexts of book-Slavic type of language, and the Russicism *берегъ* is presented in the steady phrases formulas and texts connected with a statement of the events having this or that relation to Novgorod which are characterized by stability of signs East Slavic by origin in all lists.

Discrepancies in the use of lexemes *breg* / *bereg* are noted first of all in the texts borrowed from other sources and also as a part of prepositional and case designs on *брегъ* and *отъ* coast. The analysis of specifics of discrepancies allows to reveal the directions in selection of pleophonic and not pleophonic correlates depending on editorial editing, an orientation of lists and time of their emergence.

The research has shown that Old Russian scribes keep the standardized cases of the use of not pleophonic and pleophonic lexemes and consequently also equivalence of their literary status up to the 16th century. However and in more *pozdnik* lists when the tendency to primary use of not pleophonic correlate amplifies a little, initially developed genetically non-uniform background of the annalistic text remains.

Keywords: *reflexes the praslavyanskikh of combinations, polnoglasy / nepolnoglasy, the Story of temporary years, lexical discrepancies in lists.*

Elena N. Bekasova – doctor of philology, assistant professor, professor of dpt. of linguistics and technique of teaching Russian, Orenburg state pedagogical university (Russia). Phone: +7-922-552-93-29, e-mail -mail: bekasova@mail.ru

Ludmila M. Ustyugova – doctor of philology, assistant professor, professor of dpt. of Slavic philology and world literature, Uzhgorod national university (Ukraine). E-mail: ustyugova_l_m@mail.ru